

6+

Ольга Пойманова
Принцессы бывают
разные

Ольга Пойманова

Принцессы бывают разные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66756733

SelfPub; 2022

Аннотация

Баба Лёка – замечательная. Но неправильная, так считали многие. "Это как посмотреть", – была уверена Надя, ее внучка. Она-то считала, что бабушка мудрее всех вокруг. Это маме можно соврать, а вот Бабе Лёке...

В день, когда всё рухнуло, Надя знала, кого попросить о помощи...

Эта история о взрослении, достоинстве и том, как быть собой. И совсем чуть-чуть – о настоящих Принцессах.

Ольга Пойманова

Принцессы бывают разные

Баба Лёка была замечательная. И вовсе не потому, что пекла вкусные пироги. На этом фронте у нее как раз были сплошные поражения. Все соседи знали: если на лестнице пахнет горелым, значит, Елена Семёновна снова подпалила выпечку. Ее подружкам такое неумение просто жизни не давало. Уж они всяко старались, чтобы ее научить. То в гости пригласят, а там тесто на батарее подходит. То рецепт какой новый дадут. Семёновна не отказывалась, а сама посмеивалась. "Не всё в этом мире можно уметь. Но надо уметь главное", – говорила она.

Главным для всех её почтенных кумушек были как раз пироги.

– Ленка, ну как же так! Столько лет на свете живёшь, а не научилась! Внучка к тебе придет, чем угощать будешь? Шоколадками новомодными?

– Да ну вас с вашими шикалками! – как-то раз не выдержала и огрызнулась на них Надюшка. – Моя бабушка лучше всех!

Соседки не обиделись, рассмеялись. Баба Лёка пожурила ее, конечно, но больше для приличия. Зачем, мол, людей обижаешь? А потом добавила: горжусь. У Нади совсем всё в голове перепуталось. Как так: то ругала, то гордится...

– Потому горжусь, – объяснила ей бабушка, – Что за своих любимых людей надо уметь стоять насмерть. Что там между вами происходит, это вы уж сами разберётесь. А другим: ни-ни! Но ты всё-таки поаккуратнее... Не надо людей почём зря задевать. И себя в обиду не давай!

Надя слёзы с соплями пополам вытерла и улыбнулась.

Вот это и было в жизни бабы Лёки самым главным: своих защищать да правильное слово для всех находить. Кого утешить, кому посоветовать.

А прозвище Шикалатка к Наде с тех пор приклеилось. Да и шло оно ей: глаза карие, темные-темные, ресницы пушистые, а волосы ей стригли по-мальчишески коротко, и мелкие кудряшки чайного цвета стояли смешным одуванчиком.

Надя обожала приходиться к бабе Лёке и говорить с ней. Пирог ерунда, зато блины любимой бабуле удавались на славу. А ещё вкусней она делала щавельные щи. Надя их могла три тарелки съесть. Живот уже надуется, как арбуз, а ей все хочется добавки. А баба Лёка знай зубы заговаривает. И про друзей спросит, и про первые цветы во дворе, и про то, какая принцесса в книжке с картинками была самая красивая...

– Бабуль, она такая волшебная! У нее знаешь, какая коса! Золотая, вот! И эти... Ну как их... Румяные!

– Ланиты! – засмеялась бабушка. – Щёки, значит!

– Вот! Это самая красивая принцесса на свете!

– Ох, Шикалатка, принцессы бывают всякие! – сказала баба Лёка и потрепала ее по кудрявому одуванчику.

– А мне кажется, что они именно такие... – грустно ответила девочка.

Шли годы. Кудряшки на голове Нади стали прямее под собственной тяжестью. Косу она не отрастила, не захотела, обошлась недлинным хвостом. Темно-карие глаза ее обычно были задумчивы. Надя все время что-то читала. Очень горевала, когда в набитый учебниками портфель не влезала книжка для души.

Баба Лёка всё так же сжигала пироги и варила бесподобные щи. А ещё увлеклась вязанием. И вот тут уж все соседки онемели, как ловко у нее выходило. Пока они там едва-едва ковырялись, Надежда Семёновна стук-стук спицами вечером, и внучка в новом свитере побежала. А то и сама баба Лёка выпорхнет в мир в новом платье до колен и вперед, в театр ли, в музей, красивая и нарядная.

Наде нравилось смотреть, как она вяжет. Лицо у бабы Лёки в этот момент становилось светлое и какое-то нездешнее, что ли. Как будто она не петли набирала, а мир создавала заново. Внучка часто садилась напротив и слушала мерный перестук. Нитка тянулась быстро, не путалась нигде, тонкой змейкой пробегая между бабушкиных пальцев.

Однажды Надя разбила свою копилку и на все деньги купила в магазине мягкую жёлтую шерсть. Яркую, как солнце, и такую же теплую. Баба Лёка долго благодарила, поглажи-

вая мотки ниток удивительно узкими и красивыми, хоть и морщинистыми руками. А потом протянула ей эту пряжу и сказала:

– А хочешь, я и тебя научу?

Надя сбегала за спицами и принялась учиться. День за днём сидела, а все никак. Нарядная жёлтая нитка плясала куда хотела. Выходил не шарф, а сплошное наказание.

– Таким шарфом только мальков в речке ловить... – расстроилась Надя, глядя на кривобокую длинную полосу. Петли терялись, путались, то разбежались огромными дырками, то наоборот, прижимались друг к другу плотнее пассажиров метро в час пик. Неудачный вышел шарф, что и говорить. Вот Надя и ныла.

– Раз мальков ловить можно, значит, на что-то он уже сойдётся! Не дрейфь, внучка! – ответила неsgiбаемая баба Лёка.

Но Надя уже рванула за конец нити. Она запуталась, никак не распускалась обратно. Мелкие шерстинки цеплялись друг за друга, словно не хотели расставаться. Готовы были куда угодно, хоть в весеннюю холодную речку за мальками, лишь бы вместе.

Надя дёрнула ещё и ещё, отбросила, разревелась.

Елена Семёновна обняла ее за плечи. "Ох, не чисто тут что-то!", – подумала она про себя. Но вопросов задавать по-

ка не стала. Дала Наде выплакаться, прореветь ей всю новую теплую кофту насквозь. Потом за руку отвела на кухню, поставила чайник.

Надя всхлипнула, уставилась в окно. Ветки вишни мелкой дробью стучали в стекло, качаясь на ветру. Холодно... Шарф бы не помешал...

Горячая кружка обожгла пальцы. Чай парил, и Надя пока просто грела руки. А казалось – душу.

– Ба, а почему я вот такая... – вдруг спросила она.

Баба Лёка подобралась, приготовилась слушать.

– Ну такая... Некрасивая. Обычная совсем. Не умею ничего. Ба, почему? – вновь в три ручья заревела Надя. Елена Семёновна погладила ее по руке, но торопить не стала.

Кое-как собрав силы, Надюшка отхлебнула уже чуть теплый чай и горько вздохнула.

– Слушаю тебя, – только и сказала баба Лёка.

И понеслось...

Жила – не тужила Надя в своей школе все девять долгих лет. И гордо шагнула в год десятый. Вот там все и рухнуло. Одноклассники, добродушные и дружные, почему-то из школы ушли. Остались те, кого Надя не особо принимала. Не враждовала в открытую, но и любви не питала. Очень трудно любить чужое завышенное самомнение.

Но это Надя только так говорила. На самом деле это самое "самомнение" уже два года не давало ей нормально спать по

ночам и звалось Николаем.

Просторечное Коля единственный сын директора крупного завода не любил, просил называть себя Ники. В школу приезжал на машине с личным водителем. Телефоны менял каждый месяц, про остальные мелочи и говорить нечего.

Но Надя любила в нем не это. Ей нравилось, с каким азартом он врубался в борьбу, когда на физкультуре объявляли баскетбол. Он словно вылезал из толстой шкуры и летел. Глаза горели, словно фонари, движения становились четкими, живыми, стремительными. Никакой напускной вальяжности, никакого скучающего лица. Зверь, ловкий и хищный зверь. Надя любовалась втайне и верила, что он на самом деле такой и есть. А значит, однажды он откроет глаза, заметит ее в толпе и поймет, что вот такая девушка ему нужна. Даже не такая, а именно она – Надя Хлебцова, за почти черные глаза, буйные темные кудряшки и детскую оплошность прозванная Шикалаткой. . . В школе ее тоже так звали. А почему нет, когда прозвище небидное, к тому же половина класса с одного двора подобралась, все с песочницы друг друга знали?

Надя мечтала, а Ники продолжал бросать мяч и развлекать себя вниманием школьных красоток.

Наде иногда тоже перепало. Ники сидел за соседней партой и временами что-то забывал. И всегда на этот случай

в сумке Нади лежали припасенные заранее школьные принадлежности. Самые дорогие, какие она только могла себе позволить на карманные деньги. Ну не давать же Николаю ручку за пять рублей? В такие минуты ее идеал благодарно, но всё-таки вальяжно улыбался, бросал короткое "спасибо, дорогая". И никогда потом ничего не возвращал. А Наде и не надо было. Она радовалась, что смогла сделать ему хоть что-то хорошее.

Однажды холодным октябрьским утром в их классе взошло солнце. Перед первым уроком классная ввела в кабинет новую девочку, и вот тут-то Надя и поверила в сказки всерьез. На пороге стояла самая настоящая Принцесса. Сияла васильковыми глазами, хлопала роскошными ресницами и крутила на палец золотой завиток. И даже эти самые, как их там, были у нее нежными и розовыми. Ланиты, точно! Надя, как девочка начитанная, еще и не такие слова знала. Но от красоты этой все позабыла.

Девушку представили классу, и Леночка отправилась на единственное свободное место. Прямо перед Николаем.

Через неделю он носил для нее в портфеле самые вкусные конфеты.

Через две они за руку гуляли по улицам и кормили голубей в парке.

А Надя как тень ходила за ними следом и завидовала.

Однажды она замечталась и не заметила, как Ники с Леночкой свернули за угол. Как шла вперед, так и шла. Пока

не споткнулась что есть силы и не полетела лицом в грязь. За спиной засмеялись. Кое-как протерев глаза, она уставилась прямо в довольное лицо Принцессы и холодные глаза Николая.

– Ты чего за нами ходишь, а? – злобно спросил Ники. Надюшка уставилась на его ботинки. Одна пятка была в грязи. Так она не просто споткнулась, ей подставили подножку! Вот так противно, из-за угла, ни с чего. И кто?! Тот, кого она столько раз выручала! Ладно уж с любовью этой+ несуральной, не в ней дело, за это не обидно, он-то ее никогда не любил. Просто подло. Она старалась, а он...

– Чего ходишь, я тебя спрашиваю?

– Ничего я за вами не хожу! – буркнула Надя и кое-как поднялась с земли. По пальто некрасивыми кляксами растекалась вода из лужи.

– Так ты еще и врешь? – пропела Леночка. – Уже три дня тебя вижу, бродишь тут. Завидуешь, да?

Надя помотала головой. А Принцесса противненько хихикнула, и, глядя ей прямо в глаза, поцеловала Ники в щеку. Тот ответил.

– Как ты мог? – пробормотала Надюшка сквозь боль и обиду.

– Девушку-то свою целовать? Да с удовольствием! Не тебя же! – ответил Ники и еще раз чмокнул Лену куда-то там в район носа.

Надя вся подобралась, нахмурила брови и закричала, мо-

лясь только об одном: чтоб голос звучал твёрдо, чтоб петуха не дать в самый надрывный момент.

– Да целуй ты хоть старую калошу, мне-то что? Ты вообще знаешь, олух, что такое колоша? А кто такой олух, знаешь? Пошел бы лучше книжку почитал, чем по дворам тискаться! Да плевать мне на твои романы! Я ж тебя выручала сто раз, а ты? Ты меня носом в грязь, да? Так ты с друзьями?

– А мы не друзья с тобой, Шикалатка!

– А я тебе не Шикалатка, раз не друзья! Коленька, – ехидно, по слогам, проговорила она его имя в самой ненавистной им форме.

– Точно, ты Грязюка! Как раз подходит! – заржал он, а Леночка подхватила. – Грязюка, точно! С лужей одного цвета!

Говоря это, Коля что есть силы толкнул ее в грудь, и Надя снова плюхнулась в грязь.

Горящими от злости глазами провожала она Принца и Принцессу вдаль по улице. А потом разрыдалась.

Куда ей против Лены? Та и красивая, и как Ники богатая, и рисует замечательно, и на лошадях скачет. А она что? Всё книжки таскает в рюкзаке...

Два дня потом Надя в школе не показывалась. Стыдно было и обидно. И ладно быть хоть заболела после этого, так нет же. И пришлось для мамы сочинять про живот.

А вот бабе Лёке соврать не смогла.

– Эх, Шикалатка, – вновь погладила ее по волосам Елена Семёновна. – В этом-то и прелесть всей нашей безумной

жизни. Не надо быть хорошим для всех. Да и не получится. А вот быть важным и незаменимым для тех, кто тебя ценит – это и есть настоящее искусство.

– Никто меня не ценит, – проревела Надежда.

– Я ценю, – ответила баба Лёка. – И много кто еще оценит по достоинству. Просто достоинство, оно у всех разное. У кого в душе, а у кого как у рубля – не достоинство, а номинал.

Надя улыбнулась, обняла бабушку.

Мягко высвободившись, баба Лёка протянула ей вязание.

– Давай, Надюш, мы с тобой это сейчас вместе распустим. Тут не твоя ошибка, моя. Пряжа-то пушистая, кто ж такую новичку дает. Я тебе попроще найду нитку. На ней и научишься...

Немало с той поры извязала Надя мотков. И синих, и красных, и всяких разных. Вот только за желтую пряжу никогда больше не бралась.

Баба Лёка научила ее всему, так что вскоре девушка уже не хуже наставницы стучала спицами. И Елена Семёновна гордо ходила к подругам в нарядах, созданных внучкой.

Один-другой, стали появляться у Нади клиенты. Потом ученики. Вскоре уже и целая очередь к ней образовалась. Раз за разом создавала Надежда новые наряды на дому. А потом нашла таких же рукодельниц и открыла фирму.

Тёмные волосы свои она опять обстригла пушистым одуванчиком. Карие глаза заблестели. И даже румянец на ее смуглых щеках заиграл совершенно особенный, толи кир-

пичного цвета, толи терракотовый.

Баба Лёка прожила с того памятного разговора еще десять лет. А потом ушла, тихо и спокойно.

Надюшка долго ничего не трогала в ее квартире. Только чайник. Если становилось невмоготу, приходила к бабушке «в гости», заваривала в самую большую чашку и долго сидела у окна. Наконец решилась.

Перебирая вещи в шкафу, нашла коробку с мотками шерсти. Улыбнулась. Бабушка любила, чтобы все было скручено в тугий клубок. Всё перемотала. Каких тут только не было оттенков...

На самом дне лежало пушистое солнце. Всю пряжу, что когда-то подарила Надя, бабушка сохранила, так ничего из нее и не сделав. Девушка глянула в окно. Осень, холодно, надо бы шарф...

Нитка золотой змеей бежала меж Надиных пальцев, тонких и красивых, как у бабы Лёки. Шарф выходил загляденье, петля к петле, легкий и очень теплый.

Когда от огромного клубка осталось совсем чуть-чуть, девушка меж оборотов нитки увидела бумажку. Не ту, смятую и тугую, на которую начинают мотать клубок. Другую, плоскую, аккуратную, словно спрятанную специально. Достала, развернула. Острым, танцующим почерком бабы Лёки в ней было сказано: «Никогда не бойся быть собой, Надежда. Никогда не бойся быть собой...»